

ЖУРНАЛ ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Миргород. Журнал, посвященный вопросам эпистемологии литературоведения. Выходит два раза в год. Седльце. Номер 1, 2008.

В подготовке данного журнала к изданию принимают совместное участие три высших учебных заведения: Лозаннский университет, Донецкий институт социального образования и Академия Подляска в г. Седльце – т. е. Швейцария, Украина и Польша; редакция журнала, членами которой стали представители этих трех институтов (Леонид Геллер, Михаил Гиршман и Роман Мних), находится в Седльцах.

Идея *Миргорода*, как представляют ее издатели во вступительном слове, исходит из полисемии гоголевского Миргорода, то есть мира и города, мира, спокойствия. Структура журнала включает в себя тематическую часть, дискуссию, архивные публикации и раздел *Varia* (Разное). Для первого номера редакторы избрали тему *Философия и литературоведение*, а в качестве предмета дискуссии – книгу Антуана Компаньона *Демон теории. Литература и здравый смысл* (Seuil 1998). В раздел *Varia* они поместили интересный обзор творчества Михаила Леонидовича Гаспарова (1935–2005).

Таким образом, в основе журнала – «теория теории литературы» и диалог филологии и философии, особенно в этом номере, в котором приводится исследование Михаила Гиршмана (Донецк) *Литературное произведение в свете философии и филологии диалога*. Автор развивает мысль В. А. Малахова о постонтологии и постонтологическом дискурсе и исходит из нее при разработке постонтологической эстетики и поэтики, которые видят в художественном произведении не только проникновение в Бытие, а скорее событийную реальность личного человеческого мгновения, вовсе не сокровенность Бытия, а диалог с мгновением. В подобном духе продолжает Валерий Тюпа (Москва) в своей работе *От поэтики повествования к философии событийности (вектор нарратологии)*. Автор прослеживает цепь исследований на нарратологическую тему события и говорит о событии, складывающемся из трех факторов: актант, картина мира и точка зрения (point of view). Статус событийности, с его точки зрения, обладает следующими ключевыми характеристиками: сингулярность, фрактальность, флуктуативность, интенциональность. Автор подчеркивает то, что нарратология и изучение событийного аспекта хранят в себе значительный потенциал для объединения до сих пор разрозненных изысканий на различные темы – в особенности исследований медиевистических и модернистских.

Японский теоретик М. Арай (Нара) в статье *Отсутствие повествователя в нарративе. К уточнению понятия несобственно-прямой речи* проследживает в научной литературе тему исчезновения рассказчика, причем указывает на то, что речь идет не столько о его исчезновении, сколько о его сокрытии, утайке. Клара Штайн (Ставрополь) выступает, собственно говоря, с целым проектом метапоэтики (статья *«Размытая» парадигма*), то есть авторских концепций художественного произведения, часто выраженных в самих художественных произведениях, а также сообщает об издании в четырех томах *Три века русской метапоэтики. Легитимация дискурса* (2002–2006), охватывающем развитие литературы от барокко до постмодернизма. Владимир Федоров (Донецк) в статье *Поэтический конфликт* несколько спекулятивно изучает в древнегреческом и типично русском дискурсе характер слова (logos) на материале пушкинской «малой трагедии» *Скупой рыцарь* – в плоскости влияния героя (Барона) от автора (Пушкина). Олег Марченко (Москва) поведал о русском модернистском философе Владимире Эрне (1882–1917), который был, как оказывается, близок феноменологии и в своих размышлениях о Г. Сковороде. Уже Денис Иоффе (Амстердам, *Смерть автора как проблема*), в сущности, исходит из дискуссии о вышеназванной книге Компаньона. Ключевой и показательной, по моему суждению, является статья Романа Мниха (Седльце) *Какая теория литературы возможна в XXI веке?* Важно то, что Мних считает теорию литературы отнюдь не только сферой научности, а прежде всего сферой общественного договора, где заметно обращение к новым подходам (биопоэтика), компьютеризации и историзации и терминологизации литературоведения и теории: «Итак, поворот к истории, шлифование терминологии и эффективное использование компьютера – вот те три кита, на которых, по всей видимости, будет строиться литературоведение XXI века» (с. 115).

В дискуссии о книге А. Компаньона приняли участие Игорь Смирнов (Констанц), Сергей Зенкин (Москва), Оксана Кравченко (Донецк), Михаил Маяцкий (Лозанна), Ирина Попова-Бондаренко (Донецк) и Леонид Геллер (Лозанна). Очень интересный раздел *Varia* (Леонид Фризман, Харьков) содержит мнения и архивные материалы, демонстрирующие «неизвестного» Михаила Леонидовича Гаспарова, знаменитого теоретика стиха, в том числе его концепцию Бахтина и судеб его теории в современности, а также трансформацию русских элегий в виде экспериментального текста.

Можно было бы дать оценку и попытаться обобщить результаты, достигнутые в этом номере *Миргорода*, однако наиболее существенным, по моему мнению, являются непрерывные возвращения к М. Бахтину – начиная с несколько не новаторской, а скорее провоцирующей статьи Г. Тиханова, который нетрадиционным образом занимался Бахтиным и Лукашем (его мысль о том, почему теория литературы развивалась в Средней и Восточной

Recenze

Европе, тоже не нова), и заканчивая высказываниями Гаспарова о том, что Бахтин был прежде всего философом, а философ является творческим по своей сути, в то время как литературовед – исследовательским (философия, таким образом, является творческой, филология – только исследовательской). С этим, однако, нельзя согласиться: современная философия, как известно, уже отошла от системности и, наоборот, направлена на сферу искусств, то есть туда, где ее искали, например, немецкие романтики первой волны, как об этом пишет брненский философ Бржетислав Горына (См. Břetislav Horýna: *Dějiny rané romantiky. Fichte, Schlegel, Novalis. Vyšehrad, Praha 2005; naše rec.: Horýnovy Dějiny rané německé romantiky a jejich významy. Slavica Litteraria, X 9, 2006, s. 294–296*).

В этом смысле М. Бахтин, напротив, был первопроходцем повторного обращения философии к литературности.

Конечный итог: *Миргород* – это выдающееся начинание, и, когда нам становится известен план следующих номеров, наше ожидание еще больше возрастает: *Литературоведение как язык: Александр Потемня и европейская наука о литературе, Роман Ингарден, Конструкция и деконструкция европейского литературоведения в XX веке, Перевод и переводимость литературоведения как науки*.

Несмотря на то, что журнал является в первую очередь русистским и выходит на русском языке, он открыт и для других теоретиков и методологов литературы.

Иво Поспишил